

© 1995 г. Г.А. КЛИМОВ, Д.И. ЭДЕЛЬМАН

**К ПЕРСПЕКТИВАМ РЕКОНСТРУКЦИИ
ИСТОРИИ ИЗОЛИРОВАННОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА БУРУШАСКИ)**

Соотношение различных диахронических методов в построении исторической грамматики того или иного языка или генетической группы — узкой или более или менее обширной — в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей, особенно с вхождением в орбиту интересов историков языка все большего числа лингвистических семей.

Естественно, что методы исторических исследований, и прежде всего сравнительно-исторический, разработанный и апробированный на материале индоевропейских языков, с успехом используются ныне при изучении истории языков различной генетической принадлежности. При этом с сознательным выходом и самой индоевропеистики за пределы сравнительно-исторического метода и с ее обращением к данным, получаемым в результате типологических (прежде всего — историко-типологических) и ареальных исследований, существенно видоизменились как представления науки об истории индоевропейских языков, так и характер индоевропеистики как отрасли генетического языкознания (ср., например [Гамкрелидзе, Иванов 1984]).

Особую роль в методическом плане приобрела сама проблема соотношения различных реконструктивных процедур в построении исторических грамматик разных языков, языковых групп и семей, поскольку наступило время более четкого определения принципиальных возможностей каждого из основных методов диахронического исследования — сравнительно-исторического, типологического, ареального — в выявлении тех или иных фактов языковой истории, а также перспектив использования того или иного метода (и в частности, для выявления ограничений, свойственных возможностям того или иного метода). При этом перед исследователями неизбежно возникает вопрос о соотношении разных методов в диахроническом исследовании, вопрос, оказавшийся существенным не только для специалистов по различным конкретным языкам, но и для лингвистов-теоретиков (ср., например, опубликованный несколько лет назад сборник [Lehmann, Hewitt 1991], специально посвященный проблематике соотношения сравнительно-исторического и типологического методов в диахронических исследованиях).

В свое время одному из авторов настоящей статьи пришлось заниматься вопросами соотношения методов в изучении истории иранских языков, особенно бесписьменных или не имеющих сколько-нибудь давней письменной традиции (см. [Расторгуева, Эдельман 1981:137—143; Эдельман 1982:152; 1986:12—14; 1989]). Многолетняя работа над языком бурушаски в синхронном и диахроническом планах, исследование его разновременных контактов с другими представителями окружающего лингвистического ландшафта (включая отношения субстрата

и адстрата) приводят к мысли, что некоторые из рассматривавшихся тогда методов и частных приемов применимы и здесь, хотя и с определенными коррективами, поскольку материал, предоставляемый этим языком для диахронических штудий, в корне отличен. Общим для обоих случаев является только факт отсутствия письменной традиции и, следовательно, невозможность применения в исследовании истории языка филологического метода.

Бурушаски до недавнего времени не имел письменной фиксации. Созданная в последние годы письменность базируется на арабской графике в модификации урду. Не исключено наличие письменности в раннем средневековье, связанное с распространением в регионе буддизма. Однако отдельные фрагменты на языке "бружа", в котором некоторые авторы усматривают предшествующее состояние бурушаски, пока не отождествлены с достаточной степенью достоверности. Предполагалось также наличие надписей на раннем бурушаски, выполненных письмом кхарошти и, возможно, брахми, однако их надежного прочтения также пока не существует. Поэтому "отследить" диахронию по письменным текстам можно было бы в какой-то мере только с конца XIX века, когда попадавшие в регион географы, военные и просто путешественники, редко имевшие языковедческое образование, начали фиксировать материал этого языка в различных "транскрипционных" традициях (и с разной степенью достоверности). Однако такой материал невелик, разнороден и не всегда пригоден для лингвистической обработки. Поэтому в изучении истории этого языка приходится опираться почти исключительно на показания его современного состояния.

Язык бурушаски (известный также как буриш(к)ский, а в более ранней традиции как канджутский — по названию местности Канджут, или вершикский — по обозначению одного из его диалектов) — генетически изолированный язык, насчитывающий по данным на 1981 год 55 000 — 60 000 говорящих [Backstrom 1992:37].

Предполагавшееся разными авторами его родство с кавказскими (особенно нахско-дагестанскими) или с тибетскими языками, а также с дравидийскими, енисейскими, мунда, баскским, нубийским и др., базировалось на чертах структурно-типологического сходства и на отдельных лексических совпадениях и аргументированного генетического доказательства не получило (о степени правдоподобия предлагавшихся сближений см., например, [Lorimer 1937:96—98; Топоров 1969; Торогов 1971; Климов, Эдельман 1970:18—19]). Отметим также, что материал бурушаски до последнего времени фигурирует в различных версиях медитерранистской гипотезы и в исследованиях по "доиндоевропейским" языкам Европы (ср. [Hubschmid 1992]).

Ареал распространения языка охватывает местности Хунза (Канджут), Нагар и Ясин — на севере Индостана в отрогах Каракорума. В настоящее время он соседствует с ваханским языком (из числа восточноиранских), с языками кховар и шина (из группы дардских) и др. Однако в прошлом он занимал значительно большую территорию, включавшую, как полагают, исторический Дардистан и, вероятно, часть Памира. Отсюда, видимо, идут следы более ранних контактов в виде субстратных черт в иранских, дардских (и в отдельных других индоарийских, например, в догри) и отчасти в нуристанских языках, а также в виде разновременных лексических заимствований и калькированных синтаксических и словообразовательных моделей в других языках, контактировавших с ним уже в историческую эпоху. К последним относится, в частности, цыганский язык, который, судя по некоторым данным, локализовался какое-то время в этом ареале. Подробнее о следах контактов бурушаски с другими языками см. [Зарубин 1927:280; Мог-

genstierne 1935:XXI–XXIII; Lorimer 1937; Berger 1959; Бескровный 1974; Эдельман 1980].

Традиционно в бурушаски выделяются два основных диалекта: собственно бурушаски (*buruša-ski* — производное от самоназвания его носителей — *burūšo*), включающий говоры, или под-диалекты, местностей Хунза и Нагар, и вершикский, или вершиквар, распространенный в местности Ясин (названия *weršik-war*, *werčik-war*, производные от этнонима *weršik*, используются по отношению к диалекту и его носителям их соседями, говорящими на дардском языке кховар; сами "вершикцы" называют себя "бурушо", а свой диалект, как и носители основного диалекта, — "бурушаски").

Бурушаски относится к числу малоизученных языков, хотя существуют монографические описания и словари как диалекта бурушаски (см. [Lorimer 1935–1938]), так и диалекта вершиквар (см. [Berger 1974]; словарь — [Lorimer 1962]), а также ряд других работ, посвященных этому языку. Дело в том, что фонетическая и фонологическая системы и того, и другого диалекта нуждаются в серьезном дополнительном исследовании, включая экспериментальное. Современное состояние изученности материала препятствует прежде всего полноценному исследованию звуковых соответствий между диалектами.

Немалые затруднения создает и различие в принципах дескриптивного анализа обоих диалектов в целом: собственно бурушаски подробно описан Д.Лоримером — прекрасным практическим знатоком многих "экзотических" языков региона, но не обладавшим, к сожалению, систематической лингвистической школой (что особенно проявляется в фонетической части его работ; дальнейшие попытки уточнить фонологическую систему [Morgenstierne 1945] и фрагменты морфологической системы [Vogt 1945; Borgstrøm 1945], а также суммировать общие черты системы этого диалекта и некоторые отличия от него диалекта вершиквар [Климов, Эдельман 1970] оставили все же многие вопросы открытыми), а диалект вершиквар — более четко, но менее детально — И.И.Зарубиным [Зарубин 1927] и затем Г.Бергером [Berger 1974]. В связи с отсутствием однотипного системного описания обоих диалектов их сравнительный анализ заведомо фрагментарен и оставляет достаточно широкую почву для дальнейшего исследования.

Между тем, расхождения между диалектами имеют место на всех уровнях языковой структуры, хотя в целом они незначительны. При этом наблюдаются определенные различия и между говорами (или под-диалектами) собственно бурушаски, причем говор Нагара характеризуется некоторыми чертами, роднящими его не с говором Хунзы, входящим в диалект бурушаски, а с диалектом вершиквар.

Из наиболее ярких фонетических различий между диалектами (и отчасти между говорами бурушаски) следует отметить следующие. В диалекте вершиквар отсутствует корреляция длительности гласных — отмечены пять фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, — без гласной среднего ряда типа *ə*, столь характерной для окружающих языков данного ареала; из описаний неясно, имеется ли звукотип [ə] на фонетическом уровне. Установлено также свободное варьирование *a//e* в предударной позиции и переход *o > u* в соседстве с рядом согласных. В диалекте бурушаски зафиксировано различие гласных по долготе ~ краткости: *ī, ī, ē, a, ā, o, ō, u, ū*, — однако его фонологическая значимость неясна (и может быть неодинаковой в разных парах гласных). Кроме того существует гласная *ə*, не имеющая долгого коррелята. Для консонантизма вершиквар характерно наличие на фонологическом уровне щелевых согласных при отсутствии фонем лабиодентального ряда, т.е. *f* и *v*. В диалекте бурушаски засвидетельствованы случаи свободного варьирования аспирированных и щелевых, принадлежащих к одному и тому же ряду, типа

ph//pf//f, при том, что и здесь лабиодентальный ряд на фонологическом уровне отсутствует; предполагается наличие фонем и звукотипов, отсутствующих в вершиквар: *ǰ, ǝ, ɳ* и др. Кроме того в говоре Нагара фиксируются дифтонги *ai* и *au*, отсутствующие в говоре Хунзы (здесь им соответствуют монофтонги *e, o*), назализация гласных (возможно, чисто фонетическая) и некоторые другие особенности. Для бурушаски отмечено наличие тоновых противопоставлений, включающих два или три тона, хотя не исключено, что движение тона является здесь одним из компонентов фонетической реализации ударения. В вершиквар такое явление не зафиксировано (хотя и не исключено).

В морфологии именных частей речи имеют место расхождения между диалектами в выражении множественного числа имен, в формах некоторых местоимений (личных ударных, проклитических и др.). В глаголе встречаются случаи различия в построении некоторых аналитических форм (и их вторичного синтезирования в говоре Хунзы, при сохранении их аналитического облика в говоре Нагара бурушаски и в вершиквар). Для вершиквар и говора Нагара характерна утрата рядом глаголов лично-классных префиксов, сохраняемых в говоре Хунзы, и т.п. На лицо и некоторые другие морфологические различия, связанные либо с позднейшим преобразованием форм, либо с сохранением какого-либо элемента в одном диалекте при утрате его в другом. Все эти признаки — по определению — не являются решающими при выявлении степени родства или степени расхождения между диалектами.

В лексике различия, наиболее отчетливые между бурушаски и вершиквар (и менее яркие — между говорами Хунзы и Нагара в пределах первого), отмечаются как среди достаточно явных заимствований (в связи с разнообразием источников заимствования см., например, [Berger 1966]), так и среди слов неясного происхождения, а также исконных.

Нетрудно видеть, что эти различия (подробно о них см. [Климов, Эдельман 1970:100—103; Berger 1974:5—6]) носят в основном структурный характер. Поэтому в плане более или менее глубокой сравнительно-исторической реконструкции их показания далеко не однозначны: их значительная часть, особенно расхождения в аналитических и вторичных синтетических формах, может оказаться относительно недавней. К тому же некоторые из позднейших аналитических форм глагола могут иметь контактное происхождение, поскольку до настоящего времени в качестве письменного языка здесь используется урду и в разных местах региона носители бурушаски владеют соседними индоиранскими языками: ваханским, кховар, шина, — при том, что в индоиранских языках глагольные аналитические конструкции получили широкое распространение, начиная с древнего периода.

В этих условиях перед исследователями истории языка бурушаски возникает естественный вопрос — каковы же возможности, которые предоставляет данный материал: а) для сравнительно-исторической реконструкции общего для диалектов и говоров состояния, б) для типологической реконструкции более архаичной системы (или хотя бы отдельных частных подсистем) языка (сюда же можно отнести внутреннюю реконструкцию определенных подсистем), в) для диахронической трактовки тех свидетельств, которые могут быть получены посредством ареального метода?

Предварительный анализ перспектив сравнительно-исторического исследования материала обоих диалектов (и говоров внутри диалекта бурушаски) показал, что в настоящее время — до более детального исследования фонетики и фонологии обоих диалектов — многого в этом плане ожидать не приходится.

Сопоставление полнооформленных слов, точнее — рядов словоформ, входящих в определенные лексико-морфологические разряды (например, определенных имен по всей парадигме, местоимений, числительных, флективных форм глагола, имен неотчуждаемой принадлежности с префигированными проклитическими лично-классными показателями и др.) по диалектам помогло выявить не столько звуковые соответствия, сколько степень архаичности материального облика некоторых морфологических элементов, при проблематичной сводимости их фонологического состава и при различиях в стяжениях на морфемных швах. Сравни, например, имена с лично-классными префиксами [Morgenstierne 1945:87]:

	БХЛ	БНЛ	БМ	ВЛ	ВЗ	ВМ
"мой-сын"	<i>ēi</i>	<i>ā/æi</i>	<i>ēī</i>	<i>aiyε</i>	<i>ayē</i>	<i>aye</i>
"твой-сын"	<i>gūi</i>		<i>gūi</i>	<i>giyε</i>		
"его-сын"	<i>ī(i)</i>		<i>īi</i>	<i>yε, īε</i>	<i>yē</i>	
"моя-дочь"	<i>aii</i>		<i>āi</i>	<i>aii</i>	<i>ay</i>	<i>āi</i>
"твоя-дочь"	<i>gōi</i>		<i>gōi</i>	<i>gōi</i>		<i>gōi</i>
"его-дочь"	<i>ei</i>		<i>ēi</i>	<i>ei</i>	<i>äy</i>	

(Сокращения: Б — бурушаски, В — вершиквар, Х — Хунза, Н — Нагар, Л — запись Д.Лоримера, М — запись Г.Моргенштерне, З — запись И.И.Зарубина, Берг. — запись Г.Бергера).

В материалах П.Бакстрема *ii* и *ei* приводятся как словарные обозначения соответственно "сын" и "дочь", однако наличие словоформы *aiia* "мои-сыновья" (ср. [Backstrom 1992:252 и 262]) в тексте указывает на префиксальность первого элемента, что позволяет трактовать *ii* буквально как "его-сын", а *ei* как "его-дочь".

Хотя приведенные выше формы трактуются различно — Д.Лоример усматривает в словах и "сын", и "дочь" неизменный фонологический состав префиксов при различных афлаутах основ [Lorimer 1935:127 и сл.], в то время как Г.Бергер видит разные типы префиксов [Berger 1974:25], — само сопоставление материала показывает, что для общебурушаскского или, во всяком случае, для относительно архаичного состояния, лежавшего в основе обоих современных основных диалектов, было характерно наличие посессивных префиксов при данных именах и сходное (если не тождественное) звучание как самих именных основ, так и их префиксов. Притом на стыке префиксов с основами происходили некие явления, которые дают основания говорить о двух разных способах сочетаемости префикса и основы, свойственных еще тому периоду в истории языка. Дальнейший анализ сочетаемости рассмотренных выше и других лично-классных префиксов с различными словами (именами и глаголом) показывает, что эти два способа сочетания префикса с основой закреплены лексически. Более того, в основном лексический состав слов, где используется первый способ сочетания (по модели Б *gu-* "твой" + *-i* "сын"), и слов со вторым способом сочетания (по модели Б *gu-* "твоя" + *-ai* "дочь" в трактовке Д.Лоримера или по модели В *go-* "твоя" — с префиксом II типа — + *-i* "дочь" в трактовке Г.Бергера, — безразлично), — по диалектам совпадает и, следовательно, является общим для них, т.е. архаичным. Тем самым, выбор способа сочетаемости (или, по Г.Бергеру, выбор типа префикса) является лексически заданным свойством основы.

Что же касается звуковых соответствий по диалектам между морфологическими элементами и основами, то на данном этапе изученности фонетики и фонологии современных диалектов соответствия гласных выявляются очень условно, а в отношении согласных можно сделать лишь отдельные предположения. Встречаются расхождения, которые могут объясняться просто различной степенью точно-

сти фиксации фонетического материала разными авторами (ср. передачу основы "рука": БЛ *-riŋ*, ВЛ *-reŋ*, ВЗ *-reŋ̃*, ВБерг. *-reŋ*). В ряде случаев обнаруживаются расхождения, являющиеся, по-видимому, относительно недавними. Сравни, например, ВБерг. *bišundu* "шесть" (I кл.), *bišinde* (абстр.), ВЗ *bešindo*, ВЛ *bišindo*, при БЛ *mišindo* (I—IV кл.), *mišindi*, *mišin* (абстр.) и в составе сложных числительных: БЛ *turma mišindo* (I—IV кл.) "шестнадцать", букв. "десять-шесть", *turma mišindi* (абстр.). Сходное соотношение: *m-* в говорах Хунзы и Нагара, но *b-* и *m-* в различных говорах Ясина, — отмечается в этом слове и в материалах П.Бакстрема [Backstrom 1992:256]. По-видимому, в данном случае мы имеем дело со следами былой назализации в бурушаски (и в отдельных говорах вершиквар) начального **b-* в результате его ассимиляции со срединным *-n-*, поскольку говорить об общем регулярном соответствии бур. *m-* ~ верш. *b-* нет оснований (ср. Б *biške* ~ В *biške* "шерсть; волосы животного" IV кл.; Б *mi-* ~ В *mi-* местоимение 1 л. мн. ч. и т.д.).

Поскольку морфологические соответствия, как уже говорилось, выявляются более отчетливо, чем фонетические, уместно уделить им более пристальное внимание.

Так, в обоих диалектах мы имеем сходную именную систему с членением имен на четыре лексических класса: I — мужчин, II — женщин, III — живых существ, некоторых предметов (названия плодов, частей дерева, ряда природных и космических явлений и т.д.), IV — веществ (жидкостей, металлов и т.п.), части предметов, нематериальных и абстрактных понятий, родовых названий совокупности предметов, — т.е. систему, находящую свою отчетливую аналогию в нахско-дагестанских языках. В структуре самих существительных классная принадлежность не выражена, хотя частотность определенного исхода основ противопоставляет IV класс всем остальным, а показатели плюралиса, закрепленные лексически, могут быть соотнесены с определенными классами. Принадлежность существительных к определенным классам выявляется синтаксически — по соотносению с классными маркерами глаголов, отдельных прилагательных, наречий, некоторых разрядов местоимений и числительных, а также с префиксальными (или проклитическими) местоимениями (или местоименными лично-классными префиксами), присоединяемыми к именам и глаголам.

Классные префиксы в обоих диалектах совпадают: в ед. числе I, III и IV кл. *i-*; II кл. *ti-*, *to-*; во мн. числе в диалекте бурушаски *u-* во всех классах, в вершиквар — I—III кл. *u-*; IV кл. *i-*. Очевидно, в бурушаски налицо результат относительно поздней унификации показателей во множественном числе, т.е. замена *i-* IV кл. на *u-* I—III кл. по аналогии с ними. В вершикском — более архаичный показатель IV класса, совпадающий с соответствующим показателем единственного числа: объекты, относящиеся к IV классу, первоначально не подразумевали расчлененной множественности.

Показатели плюралиса имен в каждом из диалектов очень многообразны. Как правило, это агглютинативно присоединяемые суффиксы (хотя и с различными фонетическими изменениями на стыке с основами), из которых около 50 ограничены узкими рамками определенных групп субстантивов, а остальные — около 20 — имеют более широкий спектр употребления. При этом словарное распределение суффиксов по диалектам не всегда совпадает (ср. Б *ḡēniš*, В *ḡendeš* "царица" — мн.ч. Б *ḡēpanc*, В *ḡendehay*; Б *būš*, В *buš* "кошка" — мн.ч. Б *būšōḡo*, В *bušānc*). Подробнее о функционировании форм обоих чисел и распределении их показателей см. [Vogt 1945]. Падежных форм две: прямой падеж и агентивно-косвенный. Их оформление в диалектах единообразно: прямой падеж имеет нулевой показатель, косвенный — показатель *-e*. Падежная система обоих диалектов дополняется большим

числом послелогов — простых и поздних отыменных, не всегда совпадающих по диалектам (впрочем, это скорее уже лексическое, а не морфологическое различие).

Имеющаяся в бурушаски категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, выражаемая в облигаторном употреблении префиксальных посессивных показателей при именах неотчуждаемой принадлежности (т.е. при названиях частей тела и других понятий, неотделимых от живого существа, таких, как "память", "сон" и пр., при терминах родства и т.п.), передается в обоих диалектах практически одинаково; сами префиксы, как уже говорилось выше, совпадают при обоих способах их соединения с основой.

Совпадают по диалектам и основные разряды местоимений. Ср., например, личные: ед. число 1 л. Б прям. пад. *je*, агент.-косв. пад. *ja*, В (общая форма) *ja*; 2 л. прям. пад. Б *ün*, *ün*, *üm*, В *ün*, *ün*, агент.-косв. пад. Б *üje*, В *gu*, *go*; мн. число — общая форма для прямого и агентивно-косвенного падежей: 1 л. Б *mi*, В *mi*; 2 л. Б *ta*, В *ta*.

Числительные в обоих диалектах различаются по классам считаемых предметов (особенно — числительные от "одного" до "трех") и имеют, кроме того, отдельную форму для абстрактного (не связанного с классами предметов) счета. В основном их формы совпадают: ср. "один" I—II кл. Б *hin*, В *hen*, III—IV кл. Б *han*, В *han*, абстр. форма Б *hik*, *hi*, В *hek*; "два" I—II кл. Б *ātan*, В *altān*, III кл. Б *ālta*, В *altā*, *altāc*, IV кл. Б *āto*, В *altó*, абстр. форма Б *ālti*, *āto*, В *altó* и т.д. (при этом абстрактная форма числительного "два" *āto*, *altó* — единственная из всех числительных, совпадающая с универсальной формой множественного числа имен). Во внутренней форме образования числительных "четыре" и "восемь" в обоих диалектах просматривается элемент *alt* числительного "два": ср. "четыре" I—II кл. Б *wāto*, В *wātu*, абстр. форма Б *wālti*, *wāl*, В *wālte*; "восемь" I—II кл. Б *ātambo*, В *altāmbu*, абстр. форма Б *āltambi*, *ātam*, В *altāmbe*. Не исключено, что мы имеем здесь дело с рудиментами более старого двоичного счета. Числительные от "одиннадцати" до "девятнадцати" строятся в обоих диалектах по модели "10 + 1", "10 + 2" и сходны материально. Числительное "двадцать" прозрачно в своем происхождении из "два-десять": ср. абстрактные формы Б *āltər*, В *āltar* "двадцать", при Б *tōrumo*, *tōrimi*, В *tōrum* "десять". От "тридцати" и выше словообразовательная модель в обоих диалектах вигезимальная с элементами децимальности, ср. Б *āltu wāltər tōrumo*, В *āto-āltar tōrum* "пятьдесят", т.е. "два-двадцать [плюс] десять".

Много общего в материальном облике элементов глагольного спряжения. Так, постпозитивные показатели лица и числа, а в 3 лице также класса, единые для различных временных форм, независимо от переходности/непереходности глагола, практически совпадают по диалектам. Сравни, например, в ед. числе 1 л. Б, В -*a*; 2 л. Б -*a*, -*o*, В -*a*; 3 л. I, III, IV классы Б, В -*i*, II кл. Б -*u*, -*o*, В -*u*. Во мн. числе показатели лица и класса для I—III кл. не различаются, а в IV кл. выступает тот же показатель -*i*, что и в ед. числе. Препозитивные лично-классные показатели, указывающие на объект у переходных глаголов и на субъект у непереходных (благодаря чему у непереходных глаголов окончания часто оказываются избыточными и могут быть опущены), практически те же, что у имен (см. выше). Имеются общие типы образования аналитических форм глагола, обычно с одинаковым (первоначально) по диалектам материальным воплощением, ср., например, Б *ečaii*, *ečuai*, В *ečum bai* "он делает" (презент), Б *ečiwat*, *ečat*, В *ečum bat* "он делал", где различия только в относительно позднем стяжении аналитических форм во вторичные синтетические образования в бурушаски, при сохранении аналитизма в вершиквар (ср. также реконструкцию архаичных аналитических форм на основании современных синтетических в: [Morgenstierne 1935:XX; Borgstrøm 1945:141]).

Синтаксис обоих диалектов слабо изучен, но с достаточной степенью очевидности выявляет много сходного не только в общем строении предложения (особенно в эргативной, или точнее, в эргативообразной конструкции предложения с переходными глаголами в определенных видо-временных формах, а также с отдельными непереходными глаголами активной семантики, при номинативной конструкции с большинством непереходных глаголов), но и — что особенно важно для сравнительно-исторического изучения синтаксиса — в строении и составе микро-синтаксических структур, или синтаксических блоков (определение понятия см. [Ярцева 1967; 1976]). Так, например, при наличии лично-классных префиксов, полнооформленное выражение понятия "моя рука" содержит не только префикс 1 л. ед. числа *a-* "мой", но и полное местоимение *ja* "мой" и выглядит как "моя моя-рука": Б *ja a-riŋ*, ВЗ *ža a-reŋə* (ср. аналогичное "двойное" оформление принадлежности в тюркских и некоторых других языках).

Большой исконно общий для диалектов пласт лексики имеет много тождественного не только в своем составе, но и в словообразовательных моделях и элементах, включая и такие, которые проливают свет на историю целых его фрагментов. Так, например, ряд субстантивов — обозначений частей тела — обнаруживает в начале основы вслед за посессивным префиксом комплекс *-lt-*, восходящий к числительному "два" (см. выше): ср. Б *-ltumal*, В *-ltumat*, *-ltumal* "ухо"; Б *-ltanc*, ВЛ *-ltanz* "нога"; Б *-ltānc* (форма мн. числа), В *-ltēš* "бровь"; Б *-lčin*, В *-lči*, *-lčin* "глаз" (из **-lt-čin* или **-lt-šin*) и т.д. Характерно, что при утрате начального *l* в этих словах отпадает необходимость присоединения препозитивного лично-классного показателя: Б *tur*, В *tūmal*, *tanz*, *tur*, *teš* и т.п. Подробнее см. [Климов, Эдельман 1974]. Много сходного также в глагольной лексике и ее изменениях (ср материалы: [Lorimer 1935 I:224—226; 1938:103—153; 1962:69-99]).

Таким образом, сравнительно-исторический метод при столь близком и иногда даже тождественном материале обеспечивает в принципе весьма небольшую глубину реконструкции: сводимость фактов лежит практически на поверхности, и реконструируется система, тождественная в своей основе тому, что мы застаем в обоих диалектах (хотя отдельные подсистемы лучше сохранились в каком-либо одном из них, чаще всего в вершиквар).

Теперь уместно обратиться к тем возможностям реконструкции, которые могут дать другие методы диахронической лингвистики.

Типологический метод и тесно связанные с ним приемы внутренней реконструкции удобнее всего применить в тех сферах современного или несколько более раннего состояния языка (теперь мы убедились, что оно в принципе мало отличается от современного), где отчетливо выступают те или иные непоследовательности в системе.

В этом отношении немалый интерес представляет в языке бурушаски история системы именных классов — как в плане функционирования классных показателей, так и в плане семантической подосновы распределения существительных по классам.

В плане функционирования классных показателей характерно отмечавшееся уже выше употребление показателя IV класса в неизменной в прошлом форме для единственного и множественного числа — свидетельство соотнесенности в более архаичной системе IV класса только с абстрактными, собирательными, родовыми и прочими "общими" понятиями, не подразумевающими статуса расчлененной множественности. На основании фонологического облика классных показателей Э.Бенвенист в свое время пришел к выводу, что четырехклассная система в бурушаски может восходить к более простой бинарной: "жен-

ский"/"неженский" классы с показателями соответственно *o* (/ / *u*) и *i* [Benveniste 1948—1949:71]. Однако анализ распределения показателей множественного числа по классам, предпринятый Г.Фогтом [Vogt 1945], а также результаты наших наблюдений над исходом именных основ, указанный выше "сбой" в категории числа (в случаях, когда число выражается в классных показателях и когда объект относится к IV классу) и некоторые другие данные, — все это свидетельствует, что морфологическая граница проходит скорее между I—III классами, с одной стороны, и IV классом, с другой. Учитывая, что морфология нередко отражает в формализованном виде более ранние принципы организации лексики, остается признать, что более старая система бурушаски должна была отражать в какой-то период оппозицию именно этих двух классов, когда I—III классы составляли один "сверхкласс", по-видимому, соотносящийся каким-то образом с одушевленными именами, а противопоставленный ему IV класс соотносился с неодушевленными предметами и понятиями. Заметим к тому же, что соотнесение гласных *o* (/ / *u*) и *i* соответственно с "женским" и "неженским" классами оказывается в противоречии с диаметрально противоположной закономерностью звукового символизма, установленной фоносемантическими исследованиями (ср. [Воронин 1982:111]).

Обращает на себя внимание и системная соотнесенность категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности с категорией лексических классов: само наличие этой категории — есть характеристика, свойственная только классу или классам одушевленных, поскольку неодушевленные не имеют отчуждаемой принадлежности.

Существенной чертой системы именных классов в обоих диалектах (судя по косвенным данным, достаточно архаичной) является то, что она предстает в ряде случаев в качестве маркера скрытой категории единичного/общего: ряд имен в значении единичного предмета относится к III классу, а в значении родового понятия, совокупности данных предметов — к IV классу (ср. Б *ḡašil* в значении "палка" III кл., в значении "палки, дрова" IV кл.).

В системе именных классов находит свое место и противопоставление личности/неличности, или человека/нечеловека, также отражающееся на морфологическом уровне (хотя и иными средствами) и имеющее свою историю.

Достаточно архаичной представляется здесь и категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, пронизывающая всю систему языка бурушаски и оставившая весьма значительный след в языках, для которых он послужил некогда субстратом (подробнее см. [Эдельман 1980]).

Наличие большого количества показателей плюралиса, распределенных по отдельным группам существительных, также является свидетельством процесса развития категории числа, отражением этапа ее тесной связи с лексической классификацией и со словообразованием. Сравни удачное, на наш взгляд, типологическое сопоставление большого количества показателей множественного числа в бурушаски с многообразием именной парадигмы в праиндоевропейском состоянии [Vogt 1945:127—128].

Свидетельством истории системы числительных служит сохранение связи их формы с классом считаемых предметов. При этом показательна и динамика системы — образование неклассной формы, применяемой при абстрактном счете, — шага на пути к полной абстрагированности от качества считаемых предметов. Интересны и элементы формо- и словообразования числительных: числительное "два" в абстрактной форме *alto* является единственной из всех абстрактных форм числительных, содержащей *-o* — показатель множественного числа имен (об эле-

ментах восстанавливаемого более раннего двоичного счета и о современном вигезимально-децимальном говорилось выше).

В системе глагола в плане диахронии обращают на себя внимание не только отмечавшиеся в предшествовавшем изложении особенности изменения глагола по лицам, числам и классам, образование переходными глаголами эргативообразной конструкции предложения, но и такая существенная черта, как образование эргативообразной конструкции рядом непереходных глаголов активной семантики. Последнее может служить одним из аргументов в пользу классификации глаголов бурушаски в прошлом не по переходности/непереходности, а по активности/инактивности (стативности), что поддерживает более раннюю именную классификацию по одушевленности/неодушевленности.

Намечаются и возможности реконструкции более частных подсистем в истории языка бурушаски. Так, например, система указательных местоимений, описываемая исследователями обоих диалектов как двоичная — "этот" ~ "тот", — содержит некоторые признаки того, что ее прежний набор был иным. Ср. Б *guse* III кл., *gute* IV кл. "этот", *ise* III кл., *ite* IV кл. "тот", где естественно усмотреть содержащиеся в их составе личные префиксы *gi-* 2 лица и *i-* 3 лица, соотносимые с личными префиксами при именах и глаголах и с личными местоимениями. В таком случае можно предположить, что существовали и формы **ase* III кл., **ate* IV кл., содержавшие префикс 1 лица *a-* и обозначавшие первоначально "этот" (т.е. представлявшие Ich-Deixis, согласно классификации соответствующих индоевропейских местоимений К.Бругмана), а современное местоимение "этот", включающее *gi-* — исторический префикс 2 лица, — обозначало прежде "этот/тот" и указывало на предмет, находящийся возле собеседника (т.е. представляло Du-Deixis). Современное же местоимение "тот" с префиксом 3 лица *i-* сохраняет в целом значение исторического "удаленного", однако сфера его функционирования в прошлом должна была быть более узкой (т.е. представляющей Jeper-Deixis), исключавшей пространственную сферу 2 лица, т.е. собеседника.

Таким образом, метод типологической реконструкции позволяет гипотетически восстанавливать более старое состояние системы языка бурушаски как в плане его целостной структуры, так и в плане отдельных подсистем. При этом в целом как будто просматривается совокупность признаков-координат, свойственных языкам активного типа.

Рассматривая перспективы внутренней реконструкции предшествовавшего состояния языка бурушаски, Г.Фогт склонялся к выводу, что в отсутствие исторического материала часто трудно различать рудименты прошлого и недавние новообразования и что внутренние свидетельства редко бывают достаточными для однозначных выводов [Vogt 1945:128]. Действительно, адекватная оценка исторического места того или иного факта во множестве случаев требует здесь учета показаний ареальной лингвистики, недооцениваемых, на наш взгляд, как средства получения исторических сведений (и обычно используемых лишь в целях хронологизации фонетических процессов в контактировавших некогда языках). Обращение к последним, известное в некоторых работах под термином "ареальная реконструкция", выявляет интересные данные о прошлом этого языка.

Поскольку бурушаски (или близкий ему язык, либо группа языков) послужил субстратом и адстратом для ряда индоевропейских языков региона (иранских, индоарийских, — особенно для дардской группы последних, — а также в какой-то мере для нуристанских), мы застаем в этих языках многие субстратные черты (элементы лексики, модели словообразования, ряд явных и скрытых категорий, определенные "сбои" в развитии старых категорий, восходящих к праиндоевропейско-

му состоянию, но подвергшихся "бурушаскизации" их содержательной стороны и т.п.), подтверждающие или выявляющие некоторые принципы структурной организации языка бурушаски в прошлом. Сюда относятся, помимо усвоенной из него лексики, например, некоторые принципы словообразования местоимений (при трансформации старой местоименной системы), перестройка модели числительных в регистре от "одиннадцати" до "девятнадцати" по типу "10—1" (взамен древней "1—10"), вигезимальная модель словообразования числительных от "тридцати" и выше (см. подробнее [Эдельман 1975; 1993]), употребление числительного "два" с показателем множественного числа (в языках шугнано-рушанской группы), словообразовательные кальки ряда имен, включая участие элемента "два" в названиях парных частей тела [Стеблин-Каменский 1979].

Далее, следует упомянуть характерные для ряда арийских языков региона "сбой" в классификации глаголов и выделение активных непереходных глаголов (образующих эргативообразную конструкцию предложения, либо имеющих иные признаки, свойственные обычно переходным глаголам), явное выражение оппозиции отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности (с построением в прошлом соответствующих конструкций по типу аналогичных конструкций в языке бурушаски), переориентация категории рода с грамматической основы по типу семантических классов, "сбой" в категории рода при выражении единичного/общего и др. (подробнее о них и об их становлении см. [Эдельман 1980]).

Данные ареальной лингвистики во многом подтверждают давность соответствующих черт структуры языка бурушаски, поскольку они с необходимостью предполагают достаточно длительный период соответствующих языковых контактов в регионе.

Содержание настоящей статьи естественно резюмировать следующим образом. Генетически изолированный язык бурушаски в силу своей сравнительно слабой диалектной расчлененности дает очень немного материала для сколько-нибудь глубокой по времени сравнительно-исторической реконструкции. Этот недостаток до некоторой степени компенсируется возможностями типологического метода, особенно — приемами внутренней реконструкции. Ареальный метод создает немало дополнительных точек опоры в реконструкции более раннего состояния языка, а также верифицирует в ряде случаев сведения о его истории, полученные посредством как сравнительно-исторической, так и типологической реконструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бескровный В.М. 1974 — О влиянии иноязычной среды на индоарийские языки (на материале цыганских числительных) // Народы Азии и Африки 1974 № 4
- Воронин С.В. 1982 — Основы фоносемантики Л, 1982
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 — Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Т I—II Тбилиси, 1984
- Зарубин И.И. 1927 — Вершикское наречие канджутского языка // Записки Коллегии востоковедов 1927 Т. II Вып. 2.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1970 — Язык бурушаски М., 1970
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1974 — К названиям парных частей тела в языке бурушаски // Этимология 1972 М., 1974
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. 1981 — Иранские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы М., 1981
- Стеблин-Каменский И.М. 1979 — "Колени" и "локти" памирского субстрата // Переднеазиатский сборник III История и филология стран Древнего Востока М., 1979

- Топоров В Н* 1969 — К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происхождение аборигенов Сибири и их языков Томск, 1969
- Эдельман Д И* 1975 — К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ 1975 № 5
- Эдельман Д И* 1980 — К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ 1980 № 5
- Эдельман Д И* 1982 — К методике фонологической реконструкции праязыка // Теоретические проблемы восточного языкознания Ч 2 М, 1982
- Эдельман Д И* 1986 — Сравнительная грамматика восточноиранских языков Фонология М, 1986
- Эдельман Д И* 1989 — Методы реконструкции фонологической системы праязыкового уровня (на материале иранских языков) // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры М, 1989
- Эдельман Д И* 1993 — Генетическое и ареальное в системах числительных (на материале арийских языков) // ИАН СЛЯ 1993 № 5
- Ярцева В Н* 1967 — Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания Доклады и сообщения на X Международном конгрессе лингвистов М, 1967
- Ярцева В Н* 1976 — Грамматические основы описания языков // Принципы описания языков мира М, 1976
- Backstrom P C* 1992 — Burushaski // Sociolinguistic survey of Northern Pakistan V 2 Languages of Northern areas Islamabad, 1992
- Benveniste E* 1948—1949 — Remarques sur la classification nominale en burušaski // BSLP 1948—1949 T XLIV fasc 1
- Berger H* 1959 — Burušaski Lehnwörter in der Zigeunersprache // Indo-Iranian Journal 1959 V III № 1
- Berger H* 1966 — Remarks on Shina loans in Burushaski // Shahidullah presented volume Lahore, 1966
- Berger H* 1974 — Das Yasin-Burushaski (Werchikwar) Grammatik, Texte, Wörterbuch Wiesbaden, 1974
- Borgström C H* 1945 — The categories of person, number and class in the verbal system of Burushaski // NTS 1945 Bd XIII
- Hubschmid J* 1992 — Rum pitic "kleinwüchsiger Mensch" und expressive Wortbildungen, sowie neue Erkenntnisse über Hispano-Kaukasische Sprachbeziehungen // Beiträge zur sprachlichen, literarischen und kulturellen Vielfalt in den Philologien Festschrift für R. Rohr zum 70. Geburtstag Stuttgart, 1992
- Lehmann W P, Hewitt H-J J* (ed) 1991 — Typological models in reconstruction Amsterdam, Philadelphia, 1991
- Lorimer D L R* 1935—1938 — The Burushaski language V I Introduction and grammar Oslo, 1935, V II Texts and translation Oslo, 1935, V III Vocabularies and index Oslo, 1938
- Lorimer D L R* 1937 — Burushaski and its alien neighbours (Problems in linguistic contagion) // TPhS, 1937
- Lorimer D L R* 1962 — Werchikwar-English vocabulary Oslo, 1962
- Morgenstierne G* 1935 — Preface // Lorimer D L R The Burushaski language V I Oslo, 1935
- Morgenstierne G* 1945 — Notes on Burushaski phonology // NTS 1945 Bd XIII
- Топоров В Н* 1970 — Burushaski and Yeniseian languages Some parallels // Travaux linguistique de Paris 1970 № 4
- Vogt H* 1945 — The plural of nouns and adjectives in Burushaski // NTS 1945 Bd XIII